

**Родион
МАРИНИЧЕВ**
г. Москва

СОЛНЕЧНАЯ ГРУСТЬ

рассказ

— **А** что, разве Синявский умер?.. Ах, точно! Какая же я дурная! — она всплеснула руками, словно героиня тургеневских романов или бунинских новелл. — Я здесь совсем отстала от жизни. Это просто не жизнь, когда двое детей!..

Вместо того чтобы подсказать, как пройти к могиле Синявского, она начала рассказывать мне о своей жизни. «Raconter la vie», — говорят французы, при этом напуская на себя оттенок меланхолии. У них это — одна из самых любимых фраз. Они пихают её всюду — в песни, в стихи, в комедии и трагедии. Raconter la vie — это их национальное развлечение. Выяснилось, что зовут её Людмила, что сама она из Витебска, но последние четыре года живёт неподалёку от Версаля. Доехать к ней очень просто: на вокзале в Версале берёте автобус и следуете примерно четверть часа. А дальше пешком три минуты... Она записала свои адреса и телефоны — французские и витебские — и протянула мне самоклеящийся листок яркого цвета.

1

— Приезжайте! Обязательно! Я буду очень рада! И в Витебск приезжайте!..

У неё было грустное, немного морщинистое лицо. Такое бывает у людей в тот момент, когда они рассказывают о своём детстве, понимая, что ничего уже не вернёшь — вспоминай не вспоминай, жалея не жалея. Мы шли с ней по аллеям кладбища Сент-Женевьев-де-Буа. Стоял октябрь. В это время в Париже обычно ещё тепло — почти как летом. Туристки в летних куртках и бриджах фотографируются на фоне Эйфелевой башни, чтобы потом выложить фотографии в Интернет и ждать отзывов типа «Классный фон!» или «Ну просто красавица!». Теперь я знаю, что Синявский похоронен вовсе не в Сент-Женевьев-де-Буа и что умер он как минимум за восемь лет до моего последнего приезда в Париж. Но тогда всё это было не так важно. Людмила рассказывала, что любит именно это русское кладбище, любит ставить свечки в маленькой Успенской церкви, которая в тот раз почему-то оказалась закрыта. Я шёл рядом и вспоминал картины из Третьяковской галереи, изображающие Пасху или какой-нибудь другой православный

праздник — свечи, купола, девушки в платках. Вспоминал Москву, которую терпеть не могу, но которая отсюда, за три тысячи километров, казалась не сплошным Черкизовским рынком, а иллюстрацией к «Евгению Онегину». Этим же вечером я улетал в Москву.

Людмилины дети, оба в чепцах (не помню, были это девочки, мальчики или же брат и сестра), сломя голову бегали по аллеям и что-то бормотали по-французски.

— Мне, наверное, пора, — сказал я, — у меня самолёт в час ночи.

— Вы сегодня летите домой?

— Не совсем домой. Сначала до Москвы, там придётся целый день прошляться, а вечером на поезд — и уже домой.

— Понятно. А я теперь только дай бог следующим летом домой полечу. Я обычно летаю до Минска. Так быстрее и дешевле.

— Я никогда не был в Минске. У родителей есть фотоальбом года 75-го выпуска: цветные фотографии — тракторы «Беларусь», ткацкая фабрика, скверы с подстриженными кустами, Свислочь — так, кажется, речка там называется?

— Да, вы абсолютно правы. А вы ведь сами, говорите, из Питера?

— Из Питера...

2

Я никогда не соглашался с теми, кто говорит: увидеть Париж — и умереть. Может быть, потому, что мне довелось видеть его не раз и не два. Симпатичные, но однотипные дома, грязное метро, Эйфелева башня при дневном свете больше напоминает опору линии электропередачи. Нет, я не сын посла. Отец мой — довольно успешный учёный, известный в своих кругах математик. Его стол уже много лет завален бумагами, в которых я могу понять только пару предложений: «допустим, что» — и дальше формула на пол-листа — «следовательно» — снова формула — «тогда предположим, что...». Одним словом, я никогда не смог бы объективно оценить заслуги отца в науке. Зато другие смогли. Эти «другие» пригласили его читать лекции в университет Бордо. Сначала — на полгода, потом — ещё на полгода. Счастлив,

по-моему, был не столько он, сколько моя мама — заядлая франкоманка, исследовавшая в своей кандидатской диссертации творчество средневекового поэта Франсуа Вийона. Перед отъездом она рассказывала нам с братом о том, что мы будем жить в Аквитании, в городе виноделов. Я пойду в школу, брат — в детский сад. Выучим язык, поедем французских сыров... В общем, мне довелось немного побыть эмигрантом. Это было в самом конце девяностых, когда слово «заграница» ещё всю ассоциировалось с чем-то большим и ярким. Помню, в первый же вечер, после изнурительной дороги, которая заняла целый день, папа сходил в супермаркет и принёс продукты. Я вертел в руках пластиковые банки с йогуртом, пачку апельсинового сока и связку огромных жёлтых бананов. Мне казалось, что в этом и заключается человеческое счастье.

Всё это осталось далеко позади. Семь лет — это почти вечность. Я заканчиваю университет и собираюсь стать журналистом. Вернее, уже стал. В Париж я приехал в командировку. Целую неделю — пресс-конференции в Елисейском дворце, выезды на тренировочную базу французской футбольной сборной, на выставку в Лувре. Один день у меня оказался полностью свободным. Город был исхожен вдоль и поперёк, а в памяти ожили долгие прогулки с родителями и маленьким братом, который терпеть не мог музеев и постоянно тянул к каруселям. Хотелось чего-то нового. На столике в номере отеля валялась схема метро, изученная до дыр на сгибах. Шаря глазами вдоль разноцветных линий, я наткнулся на станцию «Сент-Женевьев-де-Буа». Это название я запомнил записанным на школьной доске. Учительница литературы, кажется, рассказывала о поэтах Серебряного века, многие из которых после революции стали эмигрантами. В голове сразу всплыла какая-то таблица из учебника, в которой были обозначены четыре волны эмиграции — предпосылки, персоналии, страны... Имена, напечатанные на пожелтевших страницах, чёрно-белые фотографии, совершенно не ассоциирующиеся с тем Парижем, который был за окном — с красно-жёлтыми витринами ресторанов быстрого питания, подсвеченными небоскрёбами, необъятными залами аэропор-

тов... Я сидел и вспоминал, кто же там похоронен, на этом русском кладбище, о котором так много написано. Правда, так и не вспомнил. Да и зачем мне было это помнить? Прошли урок — и слава богу! Сочинение написал на четыре-четыре. Как в моей голове ещё застряло такое длинное иностранное название — Сент-Женевьев-де-Буа?

3

Бежали, как с сеанса скучного и длинного фильма. Тогда, в девятые, мода была такая. Не уехал — ну и стой в очереди за мясом, и плати за ржавую, чуть тёплую воду, и ходи каждое утро по грязище на автобусную остановку. А у нас на Канзашине за детьми приезжает жёлтый школьный автобус. Точно такой, как показывают в кино. Длинный, с мордой, как у грузовика. Однажды папе написал по электронке коллега — математик, подающий надежды и частично их уже оправдавший. Тогда у него только недавно родилась дочь. Он получил хорошую должность в каком-то университете Канзаса и почти сразу купил дом. Это был необычный дом. Мотор пылесоса находился в гараже, поэтому во время уборки не создавалось никакого шума — и сосало мощно. В доме два этажа — даже два с половиной. На самом верхнем, чердачном, можно играть в шахматы — там тихо, никто не найдёт. А у жены новый велосипед. Она, правда, так и не научилась толком кататься, но учится. И у неё уже получается. О дочке — ни слова.

Папа отложил письмо, распечатанное на белом листе формата А4. Русские слова, набранные латиницей. На одну букву чем-то капнули, и она расплылась, словно клякса в тетради неопрятного советского ученика.

— Пап, а ты когда собираешься в Швецию?
 — В сентябре.
 — А ты привезёшь мне модель «Боинга-747»?
 — Ась?
 — Модель «Боинга», говорю, привезёшь?
 — А кто вчера разбил флакон маминых духов?

Папины возвращения из-за границы были праздником. С утра мама пекла какой-нибудь

торт. Это она любила. Фантазировала не хуже маститых кондитеров. Выдавливала шприцем заварной крем — и получалась надпись: «Любимому мужу». Меня запрягали пылесосить. Водя щёткой по паркету, я представлял, какой из себя будет «Боинг» — из пластмассы или из железа, на подставке или без, какая авиакомпания...

Папа появлялся с большим чемоданом на колёсах, пахнущий сентябрьским дождём и мятной жвачкой. Сняв ботинки, он надевал новые сандалии, купленные перед вылетом домой, которые при ходьбе немного пыхтели. Я вертелся у чемодана, а мама в это время кормила грудью младшего брата. Он ревел и требовал соску.

— Сейчас будем есть, — говорила назидательным голосом мама, — а Лёвушка ляжет спать. Да, Лёвушка?

— А чемодан когда разбирать?

— А чемодан разбирать после еды.

Но папа успевал достать пачку круглого импортного печенья, с шоколадной или земляничной прослойкой. Наше квадратное «Юбилейное» сразу откладывалось в сторону и использовалось в лучшем случае для тюри брату.

А после обеда папа доставал из чемодана... то, чего я так ждал целых две недели, — модель «Боинга-747» авиакомпании «Air France». Пластмассовые детали нужно было аккуратно отрезать от стерженьков, на которых они крепились, а потом склеивать — так, чтобы не замазать клеем фюзеляж — ведь потом на него нужно было переводить картинки с логотипом авиакомпании и цифрами, обозначающими бортовой номер... А мама в это время надевала на меня через голову новый свитер, который заказывала папе перед отъездом, и при этом разносила туфли с золотыми блёстками, которые пока ещё безбожно жали, но очень хорошо смотрелись.

Меня охватывало такое чувство, когда кажется, что разом свалилось много-много счастья: и папино возвращение, и «Боинг», и мамин торт, и рассыпчатое земляничное печенье... А за окном — золотая осень, и ребята из соседнего подъезда виснут на деревьях. Зачем мне деревья? У меня есть «Боинг».

Если так совпадало, что папа приезжал в воскресенье, то ближе к вечеру, часов в пять, я

садился перед телевизором и смотрел мультфильм про отважных американских бурундуков, которые всё время спешат на помощь. На экране высились небоскрёбы и сверкали витрины супермаркетов. Толстый мышонок по имени Рокки кричал «сы-ы-ы-р!», и его усы топорщились в разные стороны или скручивались в трубочку.

4

Кажется, была суббота. Солнечным утром я отодрал себя от подушки, доел залежавшиеся сыры и спустился на улицу, которая только начала просыпаться. Ехать нужно было на электричке. Парижские электрички я знаю не хуже московских или питерских. Тогда, в конце девяностых, мы с родителями целый месяц жили под Парижем, в небольшом городке, где находились корпуса университета. Это было уже перед самым возвращением. Мне исполнилось четырнадцать. Папа преподавал, мы с мамой и братом Лёвой просыпались поздно, завтракали и шли изучать окрестности. В школу мне разрешили не ходить. Однажды я услышал на улице русскую речь и, обернувшись, увидел мужичка, заросшего щетиной, который оживлённо беседовал с какой-то девушкой.

— Пойдём уже, чего ты там застрял? — нервничала мама.

Пора было домой — брат хотел есть и демонстрировал это всем своим видом.

— Почему ты не поздоровалась? — спросил я, глядя себе под ноги.

— А почему я должна здороваться?

— Потому что нужно быть вежливой. Ты же всё время говоришь, что французы вежливые, а наши — нет. А сама даже поздороваться не хочешь с соотечественниками.

Эта фраза почти вывела маму из себя. Она заявила, что, во-первых, вовсе не питает тёплых чувств к выходцам из СНГ, во-вторых, предпочитает не разговаривать на улице с незнакомыми мужчинами — тем более столь непрезентабельного вида. И будь они хоть трижды кандидаты или доктора наук. Пока мама излагала своё отношение к землякам, брат заметил де-

рево с большими розовыми цветами. Я не помню, как оно называется, знаю только, что цветы эти пахнут лимоном и на вкус сладковаты. А когда хочется есть, за лакомство сойдёт всё что угодно. Устремившись за добычей, Лёва побежал по газону, который заботливые садовники недавно разрыхлили. Подвёл развязавшийся шнурок — запнувшись, брат растянулся плашмя. На нём были только что выстиранные курточка и штанишки.

Сами того не желая, мы часто доводили маму до белого каления. Ругаясь, она произносила какие-то забавные фразы, которые нас жутко смешили — что-то вроде «у всех дети как дети, у меня — как чёрт лохматый». Видя наше неумное веселье, мама расходилась ещё больше, а вечером в красках обо всём рассказывала отцу, который редко нас наказывал. Он человек мягкий.

Вспоминая сцены из детства, я улыбался. Во Франции с таким видом ходят почти все — там это принято.

— А у наших морды — подходить страшно — убьют, — говорила мама.

— Инночка, фраза «До свидания, приятного дня» у французов означает «пошёл вон, подонок!»

— По крайней мере, мне не говорят этого в лицо, — настаивала мама, подводя ресницы.

Электричка проезжала мимо городков, застроенных коттеджами. Я осматривал окрестности со второго этажа. Иногда попадались разноцветные панельные дома со множеством балконов и подъездов. Там, очевидно, жили смуглые иммигранты. Полные женщины в розовых блузках и шлёпанцах развешивали за окнами бельё, а во дворах бегали кучерявые дети, лопотавшие что-то на родном африканском языке. Я вспомнил картинку из французского учебника географии. Там в разделе «Европа» была нарисована карта Европейского союза. Из разных углов в глубь континента тянулись жирные фиолетовые стрелки — такие рисовали на наших картах, когда обозначали наступление фашистских войск. Французские же стрелки иллюстрировали потоки мигрантов — с подписями: Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Восточная Европа.

— Население Европы составляет 510 миллио-

нов, — говорила учительница в модных прямоугольных очках, пахнущая духами от Шанель. — Крупнейшие города — Париж, Лондон, Берлин. Самая большая по площади страна — Франция... Да, хочу напомнить: когда мы говорим «Европа», подразумеваем территорию без республик бывшего Советского Союза...

Во французской школе были большие классы с телевизорами, щёточки для вытирания досок, столовая, где на обед подавали кус-кус, сыр камамбер и бисквиты с повидлом. Со мной в классе училась бойкая негритянка по имени Анна, которая однажды с ног до головы обрызгала меня какими-то сладкими духами, и потом целый день каждый встречный говорил мне: «Пойди умойся!» Рядом с Анной сидел не то китаец, не то вьетнамец с типично французским именем Жан. Он носил рюкзак с изображением какой-то пагоды и был безнадежно влюблён в Элизу — полденьскую девушку с большими грудями. Однажды она под села ко мне на уроке биологии и начала рассматривать на коленях порножурнал.

— Она тебе нравится? — спросила Элиза, показав на одну из моделей с расставленными ногами?

— Почему бы и нет?

— А у тебя в России есть подруга?

— Есть, — соврал я.

— Она тебя ждёт?

— А ты знаешь, что ты нравишься Жану?

Она сморщилась и снова ушла с головой в журнал.

— К половым признакам женщины относятся округлые плечи и бёдра, — диктовала учительница, — а также груди, высокий голос и...

— Вагина! — крикнул кто-то с задней парты.

— Совершенно верно. К половым признакам мужчины относятся широкие плечи, низкий голос...

— Пенис! — раздался крик.

— Я хочу, чтобы в классе было тихо.

— Как будет по-русски «пенис»? — спросила Элиза.

Сент-Женевьев-де-Буа оказалась типичным французским пригородом — из тех, что плотными кольцами окружают крупные города, с готическими соборами и ратушами XVIII века. Тротуарчики, мощённые плиточкой, подстриженные кустики вдоль заборов, стеклянные автобусные остановки. Вежливый выдержанный водитель в чёрных очках подсказал мне, что до русского кладбища ехать минут десять. Я словно перенёсся на семь лет назад и снова оказался в конце девяностых, на таком же тротуаре, рядом с мамой и пятилетним братом. Мама несёт в руках пакет с брикетом из четырёх йогуртов. На ней — сиреневый плащ, купленный в Париже, и новые бордовые туфли. У неё — крашеное умиротворённое лицо. Она бросает задумчивые взгляды на стриженные газоны перед домами, на проезжающие машины с тонированными стёклами, на ветки, с которых свисают плоды каштанов, упакованные в колючие светло-зелёные мешочки. Рядом идёт брат, глядя под ноги, и мимоходом обрывает листья с вечнозелёных кустов. Октябрь. Ветер пахнет нагретым известняком и устрицами. В тридцати километрах к западу плещется Атлантический океан.

Кладбище было европейским. Такие я видел в импортных сериалах, которые смотрели обе мои бабушки. Алеи, присыпанные гранитной крошкой, каменные кресты. Склепы с надписью «Графиня такая-то». Я зевнул. Предстояла бессонная ночь. Самолёт приземлится в Москве в шесть утра, и никогда не устающие таксисты будут спрашивать, куда мне нужно... Вот могила Нуреева, накрытая каменным бордовым ковром. Гвоздики, разбросанные по краям. Минут через пятнадцать набрёл на надгробье Тарковского. «Беженцы, беженцы», — крутилось у меня в голове, и я вспомнил, как один из французских одноклассников спросил меня:

— Ты возвращаешься в Россию? Там же сейчас война!

Не забыть сегодня позвонить маме. Она завидовала мне целый месяц, как только узнала, что я еду в Париж. И всё доставала из тумбочек альбомы и рассматривала фотографии, на ко-

торых мы с маленьким братом стоим в обнимку на фоне вечнозелёных кустов.

— В октябре во Франции как раз созреют каштаны, — сказала она, глядя поверх очков.

У меня было такое ощущение, будто я листаю страницы учебника истории, а молодая учительница говорит под жужжание длинных прямоугольных ламп:

— Они придерживались разных взглядов. Спорили и даже враждовали между собой. Рядом оказались монархисты и кадеты, западники и славянофилы. Одни жили в роскошных квартирах, другие работали водителями такси. В СССР они себя не видели. Или их не видели. Но все они страстно тосковали по родине и однажды мечтали там оказаться.

В это время класс обычно играл в морской бой или рисовал комиксы на полях тетрадей.

Успенская церковь напоминала одну из маленьких сельских церквей, которые так любят рисовать художники. Голубой купол почти сливался с ярко-синим осенним небом. Такую же солнечную грусть я испытывал в детстве, когда заканчивалась какая-нибудь интересная сказка. На одной из аллей стояла женщина в цветастом платке. В руках она держала тоненькие гвоздики, а вокруг неё бегали два коротконогих карапуза. Одному она погрозила пальцем и сказала по-русски:

— Нельзя!

Она сказала это как-то нараспев, как будто хотела кому-то пожаловаться. Я подошёл к ней и спросил:

— Вы не подскажете, как пройти к могиле Синявского?

Март 2009 года

□

Родион МАРИНИЧЕВ

родился в 1984 году в г. Саранске.

Окончил факультет журналистики СПбГУ.

С 2005 г. живёт в Москве.

Окончил франко-российское отделение факультета журналистики МГУ.

Пробовать себя в литературе начал ещё в школьные годы.

Пишет стихи и прозу.

Публиковался в основном в Интернете

(журналы «Пролог», «Точка зрения», «Новая литература», «Колесо» и др.),

а также в нескольких печатных альманахах, изданных в разных регионах России.

Публикуется под псевдонимом Родион Вереск.

Лауреат конкурса «Северная звезда».

